

*Мягкий путь
к сердцу через
желудок*

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ
ТАТЬЯНА БУЛАТОВА
МАША ТРАУБ

**Мария Метлицкая
Маша Трауб
Татьяна Булатова**

**Тяжелый путь к сердцу
через желудок (сборник)**

Серия «Книга в сумочку»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24917924

*Тяжелый путь к сердцу через желудок : [сборник рассказов] / Мария Метлицкая, Татьяна Булатова, Маша : Э; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-88879-5*

Аннотация

Каждый рассказ, вошедший в этот сборник, – остановившееся мгновение, история, которая произойдет на ваших глазах. Перелистывая страницу за страницей чужую жизнь, вы будете смеяться, переживать за героев, сомневаться в правдивости историй или, наоборот, вспоминать, что точно такой же случай приключился с вами или вашими близкими. Но главное – эти истории не оставят вас равнодушными. Это мы вам обещаем!

Содержание

Мария Метлицкая	5
Мария Метлицкая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Тяжелый путь к сердцу через желудок (сборник)

© Метлицкая М., 2017

© Федорова Т.Н., 2017

© Трауб М., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Мария Метлицкая

Запах антоновских яблок

Нина Ивановна Горохова на судьбу не роптала и несчастной себя не считала – не тот характер. Да и к тому же всю жизнь ей внушали, что судьба ей ничего не должна.

Ко всему, что случилось в ее жизни, Нина Ивановна относилась с глубоким пониманием и почти равнодушием – ну значит, так!

Характер у нее был спокойный, рассудительный, стойкий. В истерики не впадала и подарков от судьбы не ждала.

Нормальная русская женщина.

Родители, активные строители коммунизма и светлого будущего, шли по жизни с энтузиазмом – иногда, казалось, с чрезмерным.

Сложности быта переживались просто и с юмором. Родители работали на заводе, вставали рано и были всему снова рады – даже хмурому дождливому утру.

Отец напевал что-то бодрое, громко фыр-кая над раковиной, мама на полную громкость включала радио и жарила большую яичницу.

Вылезать из теплой постели не хотелось, но было стыдно – она, видите ли, нежится, а родители давно бодрячком.

Когда Нина приходила из школы, на плите всегда стояли

щи и котлеты с макаронами. Ну или с гречкой. На балконе остужалась банка бледно-розового киселя.

Мама говорила, что компот – баловство. А кисель – это еда. Особенно с хлебом. Еще мама говорила: «Едим без деликатесов, зато голодных у нас не бывает».

На лето Нину отправляли в деревню к бабушке. Она ходила за коровой, выпасала гусей и кормила кроликов. В августе ходили по грибы и за горохом на колхозное поле.

Горох хотя и был колхозным, государственным, собирали его все, вся деревня. И стыдно никому не было. Гороха-то море! И нам хватит, и государству останется!

Его сушили на зиму – для супа и каши, а бабушка еще варила и гороховый кисель. Ничего, кстати, вкусного! Грибы солили, из кроликов и гусей делали тушенку.

В конце августа приезжали отец с матерью, неделю «балдели», а потом сосед Петька, водитель грузовика, за трешку отвозил их на станцию. Половина кузова была заставлена банками и мешками.

Нине было неловко, когда все эти несметные баулы загружались в поезд. Но родители были счастливы.

– Теперь продержимся! – счастливо улыбался отец, поглаживая крупной рабочей ладонью мешки с картошкой и яблоками.

Нина, краснея, отворачивалась к окну.

В восьмом классе к ним пришла новенькая. Звали девочку Ингой.

Кроме необычного и красивого имени, у Инги были распущенные светлые волосы, перехваченные эластичной фиолетовой лентой, лаковые туфельки с пряжкой. И еще – полное презрение к одноклассникам мужского пола.

Посадили новенькую с Ниной. Та была счастлива, но тщательно это скрывала. На большой перемене все сорвались в столовую.

Все, кроме Инги. Из класса выходить она, похоже, не собиралась. Инга вытащила из портфеля румяное яблоко и зашелестела фольгой от шоколадки.

– А обедать, – робея, спросила Нина, – ты не пойдешь?

Инга с удивлением глянула на нее и брезгливо скривила губы.

– Щи хлебать? – с презрением уточнила она. – И перловую кашу?

Нине очень хотелось и щей, и каши, но она растерялась и тоже в буфет не пошла.

Достала учебник по физике и стала его листать.

Инга отломил кусок шоколадки, протянула соседке и достала из портфеля журнал мод с яркими картинками.

После школы Нина пошла провожать новенькую.

Инга рассказывала, что новую квартиру она не любила – далеко от центра, от потолка пахнет побелкой, да и вообще – это что, потолки?

– Что – «потолки»? – не поняла Нина. – В каком это смыс-

ле?

– Низкие, – вздохнула Инга. – Вот в Ленинграде у нас бы-
ли, – она взмахнула рукой, – метров пять, не меньше! И все
с лепниной! Дом графини Незнамовой, слышала?

Нина не слышала ни про дом, ни про графиню, ни про
потолки в пять метров, да еще и с лепниной.

Инга рассказывала, что отца перевели в столицу, никто
этому не рад, потому, что «Москва – не Питер, понятно? Де-
ревня!»

Нина кивнула, ничего не поняв. Но спорить ей не хоте-
лось.

– Зайдем ко мне? – предложила Инга, и Нина с трепетом
и радостью согласилась.

В полутемном коридоре пахло кофе и горьковатыми ду-
хами.

Из комнаты доносился чей-то приглушенный и низкий
смех.

– Тома на телефоне, – бросила Инга и пошла в свою ком-
нату.

Нина поспешила за ней.

В Ингиной комнате не было ни красного ковра на стене,
ни кровати с панцирной сеткой и металлическими шарика-
ми, ни розового тюля на окне, ни грустной грузинской «от-
чечаненной» девушки, которая висела почти в каждом доме.

Низкий диван с подушками, синие плотные гардины, со-
здающие уют и полумрак, торшер на деревянной ноге с го-

лубым абажуром и картины на стене – малопонятные, как будто смазанные, совсем неяркие, но почему-то волнующие.

– Датошка, – кивнула на картины хозяйка. – Томин поклонник.

– Томин? – переспросила Нина.

Инга кивнула:

– Томин, мамулькин в смысле. Известный грузинский художник и давний ее обожатель.

От этих слов Нине стало жарко и душно: «мамулька» – это Тома? Поклонник Дато? И все это говорится так обыденно, словно замужней женщине иметь поклонника – совсем обычная история.

Инга поставила пластинку. Музыка Нине была не знакома, но так обворожительна, так прекрасна, что ей снова стало жарко и душно.

– Поль Мориа, – объяснила Инга. – Красиво, правда? Только немного грустно.

Дверь в комнату открылась, и на пороге возникла высокая худая женщина с ярко-рыжими, почти красными, явно крашеными волосами, в черном шелковом халате, перетянутым поясом на узкой девичей талии.

– Ингуша! – с укором сказала она. – У тебя гости, а тебе хоть бы хны!

Инга скривила гримасу и фыркнула.

– Девочки! На кухню! Маша постаралась – там столько вкусного!

Инга тяжело вздохнула и кивнула Нине:

– Пошли, делать нечего! Все равно не отстанут!

Кухня тоже отличалась от кухни в Нининой квартире, как земля отличается от неба, а лето от зимы.

Вместо белой пластиковой мебели, кухонного гарнитура, за которым полгода охотилась Нинина мама, на этой кухне стоял огромный темный буфет с резными утками и зайцами. Посредине кухни царствовали большой овальный стол со скатертью и массивные, тяжелые стулья с зеленой бархатной обивкой. Совсем не кухонные стулья.

На столе стояли вазочки с печеньем, булочками и виноградом. И огромная ваза конфет, разумеется, шоколадных.

Томуля достала из буфета тонкие чашки – белые, с тонкой серебряной каймой – и налила из заварного чайника крепкой заварки.

– Мне чай, – пояснила она. – Кофе на сегодня определено достаточно. А ты, Инга? Кофе? И вы, Ниночка, тоже?

Нина кофе никогда не пила. Нет, пила, конечно, – растворимый из банки и столовский из титана, и еще – желудевый у бабушки.

Но вот такой, черный, ароматный, только что сваренный в медной и, видимо, очень старой турке, – точно впервые.

Пах он замечательно, но на вкус оказался терпким и горьким.

Нина видела, что Инга в чашку сахар не положила, и тоже решила пить несладкий.

Правда, было очень невкусно.

Инга и ее мать разговаривали как подруги – подтрунивали друг над другом, хихикали, обсуждали наряды и знакомых.

Потом зазвонил телефон, и Тома поспешно ушла.

– А где твоя мама работает? – спросила Нина.

– Тома? Работает! Да Тома дня в своей жизни не отработала! Скажешь тоже! – фыркнула она и засмеялась. – Ну ты даешь! – усмехнулась она. – Такие женщины, как Тома, никогда не работают! Такие женщины удачно выходят замуж – за дипломатов, военных, дирижеров и режиссеров!

Нина смутилась и покраснела, поняв, что ляпнула явную глупость.

Из дальней комнаты снова раздавался низкий Томин смех, и запахло сигаретным дымом.

После черного кофе Нину стало подташнивать и захотелось домой.

Инга ее не задерживала.

Уже в коридоре она мельком увидела комнату, где ворковала Ингина мать, – дверь была полуоткрыта.

Тома полулежала на узком диванчике-загогулине с высокой крученой спинкой, закидывая голову, выпускала тонкой струйкой дым, с интересом разглядывала, словно видела впервые, браслет на узкой руке и медленно кивала, словно одобряя кого-то или что-то.

В этой комнате тоже царил полумрак – бордовые шторы были задернуты, и горела только настольная лампа, стоящая

на черном рояле.

– Тома у нас крот! – улыбнулась Инга. – Не любит наблюдать жизнь при естественном освещении. И себе больше нравится – что самое главное!

Нина не очень поняла смысл сказанного, но кивнула и заторопилась домой.

Ее собственная квартира показалась Нине такой убогой, такой тесной и такой деревенской, что она села на табуретку и расплакалась. А вот кислых щей поела с удовольствием, и тошнота моментально прошла.

Их дружба с Ингой, растянувшаяся на всю долгую жизнь, казалась странной не только Нининым родителям, рыжей Томе, школьным учителям, одноклассникам, а в дальнейшем и Нининому мужу Володе, но и самой Нине.

Красавица Инга, с томной Томулей и папашей – начальником какого-то главка (Инга и сама не знала, какого именно), с прислугой Машей, с самой модной портнихой столицы, обшивающей капризных дамочек, и с личным водителем отца Севой, возившем девчонок по вечерам в театры, была, казалось, небожительницей.

Инга презирала всё и вся, включая собственную семью. Но простая, как медный пятак, Нина, с ее убогой жизнью и деревенскими родственниками, неожиданно стала для нее самым близким человеком.

Капризная, насмешливая, избалованная Инга, казалось,

нуждается в Нине куда больше, чем Нина в ней.

Мать Нины дружбу эту не приняла.

«Что тебе с ней? – недовольно спрашивала она. – Вы с ней разного поля, это ж понятно!»

Но с годами все смирились и привыкли.

Обе девочки были закрытыми и сторонились людей.

Инга прикрывалась цинизмом и иронией, а простая Нина была стеснительной и малообщительной от природы. Только оставаясь вдвоем, они, правда не сразу, начали открывать друг другу душу, делиться сокровенным и тайным. Делилась в основном Инга – Нина тайн так и не завела.

Только Нина знала о страстном романе подруги – с женатым и взрослым мужчиной. И Нина отвозила ее в больницу на аборт, Нина, а не виновник неприятности. Она же ее из больницы и забирала.

Она же откачивала бедную Ингу, когда та решила напиться снотворного, чтобы навсегда покончить с несчастной любовью.

Она же уговаривала ее на все наплевать, увлечься кем-то другим и перестать считать себя женщиной роковой.

Но Инге роль женщины-вамп явно пришлась по душе. Она любила порассуждать о любви, об отношениях между мужчиной и женщиной, о вечном непонимании между полами, о том, что мужчина никогда не сможет сделать женщину счастливой и оставить при этом свободной. Она утверждала, что мир устроен несправедливо и надо срочно что-то делать

с этим – ну сколько можно, в конце концов?

Ее так мучили эти вопросы, что она изводила не только себя, но и бедную, мало что понимающую подругу. Для той вопросы полов были ясны и закрыты – раз и навсегда. Чего там мудрить? Надо выйти замуж, родить ребенка и просто жить! Как живут ее знакомые и родители – ходить на работу, варить обед, стирать белье.

Инга поступила в институт иностранных языков на переводческий.

А Нина, несмотря на хороший аттестат, пошла в текстильный техникум. Мама сказала, что главное – не высшее образование, а специальность. И наплевать, что училась Нина неплохо и в средний ВУЗ прошла бы без проблем.

«Профессия закройщика прокормит всегда», – утверждала мама.

Нина легко согласилась – шить она любила и умела.

В двадцать лет Нина встретила Володю Горохова, просто-го таксиста, и через три месяца вышла за него замуж. Володя был ей понятен – таким был ее отец, приятели отца и соседи по дому.

Она совсем не задумывалась, любит ли она его и что такое любовь. Просто понимала одно – возраст подошел, замуж выходить нужно, и кандидатура Володи не самая плохая.

К Инге она теперь забегала нечасто – совсем не было времени.

Та доучивалась в институте, по-прежнему попадала в истории, падала из романа в роман, и каждый из них был более трагичным, чем предыдущий. Ингины избранники были как на подбор – либо женатые, либо сильно пьющие, либо не увязанные с реальной жизнью никак: доморощенные гении, начинающие диссиденты и вполне состоявшиеся алкоголики.

Инга то пропадала в мастерской какого-то скульптора, отчаянно ищущего «новые формы», либо моталась в экспедицию в калмыцкие степи за начинающим режиссером-документалистом, перепечатывала самиздатовские рукописи для очередного нового вольнодумца.

Она стала совсем худой, очень коротко остригла свои прекрасные пепельные волосы, совсем под мальчика, и это было очень трогательно и незащитно. Носила только черные узкие вещи – брюки и водолазки, а на тонком пальце – серебряное кольцо с огромным желтым топазом – подарок Датошки, Томулькиного кавалера. Очень много курила и пила только черный кофе с куском сыра – все.

При всей разности их жизней, и вообще при всей их *разности*, они оставались подругами.

– Ты меня успокаиваешь, – говорила Инга. – Смотрю в твои спокойные глаза и прихожу в себя, становлюсь тише. Правда, ненадолго! – смеялась она.

Однажды она спросила подругу:

– А ты Вовку своего сильно любишь?

Нина пожала плечами:

– Я с ним живу, он мой муж, Ингуша. А про все остальное... Просто не думаю.

Инга посмотрела на нее, как на душевнобольную.

– А как ты спишь с ним? – уточнила она.

Нина улыбнулась:

– А как жена с мужем! Обыкновенно!

Инга вздохнула и покачала головой:

– Мне жаль тебя, Нинка! Потому... Потому что бывает *необыкновенно!* Ты поняла?

Нина махнула рукой:

– Мне бы твои заботы.

Через три года семейной жизни Нина родила дочку Галку.

Их семейная жизнь была по-прежнему скучноватой, обыденной – работа, ужин, телевизор перед сном. Только с рождением дочки прибавилось хлопот. Да и радости тоже... Наверное...

«Так живут все», – думала Нина, когда подступала тоска.

Как-то обмолвилась маме:

– Скучно как-то, мам. Будто обязали меня.

Мама вздохнула:

– А сколько у нас в году праздников, Нин? Ну, посчитай!

Нина посмотрела на нее с удивлением:

– При чем тут праздники, мама?

Мать не ответила и стала загибать пальцы:

– Первомай – это раз! Восьмое марта – два. Новый год и

октябрьские, да, дочь?

Нина кивнула.

– И в жизни так же, – улыбнулась мать, – праздников по пальцам. А все остальное – будни, Нинок! Такая вот жизнь. – И мать тяжело вздохнула.

Родным человеком муж для нее так и не стал – был кем-то вроде соседа. Однажды она подумала: – А мы ведь ни разу не разговаривали по душам! Ни разу не говорили откровенно. Ни разу я не рассказала ему, что меня мучает, что волнует. И вправду – сосед. Молчаливый, угрюмый и...

Чужой».

Тогда впервые она позавидовала подруге. Подумала: «Жизнь ведь пройдет, а у меня так ничего не случится! Я так и не узнаю ничего из того, от чего может кружиться голова, сжиматься горло, дрожать руки. Я не узнаю, какое счастье не спать до утра, рассматривая спящее лицо родного мужчины.

Так и пройдет моя жизнь.... Так и пройдет?»

Когда Горохов загулял – а Нина об этом узнала довольно скоро, – она удивилась одному: ее это совершенно не обидело, не задело и почти не расстроило.

Сама предложила ему уйти:

– Что тебе мучиться, Вова? Иди туда, где тебя любят и где тебе хорошо.

Он посмотрел на нее с удивлением – видимо, ожидал борьбы, слез, уговоров.

– А ты? – спросил он. – Ты меня не любишь, Нина?

Та пожала плечами. Муж вздохнул и пошел собирать вещи. Нина достала с антресолей старый чемодан.

Знала, что Горохов счастлив, родил еще сына. Увидела спустя лет семь его на улице с семьей.

Выглядел бывший муж хорошо, одет был чисто – было видно, что за ним ухаживают и о нем заботятся.

Они шли вдвоем, держась за руки, и о чем-то оживленно спорили.

Рассмотрела Нина и его жену – обычная женщина, ее примерно лет. Полноватая крашенная блондинка. Одна из сотни, а может, из тысячи. Нинина сестра-близнец.

А получалось, что нет. С Ниной Горохов счастлив не был, а с этой – счастлив наверняка. У него глаза счастливого человека – это же сразу заметно.

Подумалось тогда – даже Горохов! И у него получилось.

Нина вздохнула и поторопилась уйти. Встречаться со счастливой семейкой ей не хотелось.

Впервые расстроилась: почему не получилось у нее, у Нины? Ведь не так плох был этот Горохов! Выпивал по праздникам, и очень умеренно. Зарплату приносил неплохую. Мог починить кран и поклеить обои. Нормальный мужик – не злой и не жадный. Такими не разбрасываются – правильно говорила мама.

Только чужой он был все время.

Нине всегда казалось, что у них совсем ничего нет обще-

го. А если подумать – дочь, квартира, отстроенная дача? И вообще – почти десять лет жизни.

«Когда тебе всего за тридцать, остаться одной не так страшно. Это не в пятьдесят, – думала Нина. – Замуж выйду еще раз пять, – шутила она, – если, конечно, будет желание».

Но не сложилось. Было пару историй, совсем мелких, незначительных. Завателье Юрий Соломонович, например. Несколько раз сходили в кафе, дважды в кино. Юрий Соломонович сказал честно:

– Семейю я не брошу, а тебе помогу.

– Чем? – удивилась Нина. – Я вроде со всем справляюсь.

Он внимательно посмотрел на нее и покачал головой.

Однажды сели в машину, и он смущенно позвенел связкой ключей.

Квартира была явно семейной, богатой и ухоженной.

Нина довольно много выпила, потом пошла в душ, долго стояла под почти ледяной водой, и больше всего на свете ей хотелось сбежать домой.

«Нет, так нельзя, – подумала она, – я же не школьница. Зачем надо было ехать сюда, зачем?»

Она растерлась чужим полотенцем, сделала глубокий вздох, как перед эшафотом, и зашла в спальню.

Ничего плохого не было. Но и хорошего – тоже. Почему-то было жалко этого не очень молодого и, в сущности, хорошего и доброго человека. И еще было очень жалко себя.

Больше подобных встреч у них не было. Все закончилось

само собой, без выяснений и непонимания.

Еще был двухнедельный роман в пансионате.

Сергей был ее ровесник, строитель из Подмосковья. Худой, высокий, симпатичный. Оказались за одним столиком в столовой. Погуляли после ужина, сходили в кинозал. Там он взял ее за руку, и она впервые вздрогнула от мужского прикосновения.

Потом пошли к нему в номер, выпили коньяку с конфетами и...

Она осталась у него до утра. Он очень нравился ей, этот Сергей.

– Нинка! – смеялся он. – Ты – моя женщина! Только моя! – И целовал Нинины руки.

И Нина сразу в это поверила.

И ей показалось, что, может быть...

Остроумный, веселый, легкий. Молодой. Свойский какой-то.

А через пару дней к нему приехала жена – на выходные. И встретившись в столовой, он даже не кивнул – просто отвел глаза. Обнял жену и поцеловал ее в шею. А Нине показалось, что сделал он это специально – дескать, знай свое место! Где ты, и где она, моя жена.

На следующий день Нина уехала, не дождавшись окончания срока.

До сорока пяти желание устроить свою личную жизнь еще было. А вот потом... Пропало.

Так привыкла к одиночеству! Сама себе хозяйка, нет над ней начальников и руководителей.

«Значит, такая судьба, – думала Нина. – Бабий век мой прошел, не вышло. Бывает. Зато есть дочь. Пусть не рядом, но есть. Родной человек. Если что...»

Дочка рано выскочила замуж и укатила в Болгарию – ее муж был оттуда родом, в Москву приехал учиться. Присылала матери сочные фрукты невыносимой сладости и звала ее в гости. Нина съездила, помогла ей по дому, пообщалась с новой родней и – заспешила домой.

Одиночество, знаете ли! Оно расслабляет. И еще: одиночество – самая стойкая из привычек.

Зашла в свою квартиру и обмерла от счастья – родные стены, родной диван. Родные запахи.

А Инга горела в страстях. Вышла пару раз замуж – *ненадолго*, так, попробовать.

Первый муж был опальным художником, писал странные и красивые картины, которые никто не покупал – до поры. В перестройку повалили иностранцы и начали скупать его работы скопом и оптом. Появились большие деньги, и пошла загульная жизнь – рестораны, гости, шампанское рекой.

Нина приходила к ним в мастерскую – народу тьма, местные бородачи, элегантные коллекционеры с Запада, в общем – богема.

Она помогала на кухне, бесконечно резала бутерброды,

заваривала чай, варила литрами кофе и старалась поскорее уйти.

Однажды услышала, как Ингин художник назвал ее половоймойкой.

И больше она туда не ходила.

Беда пришла неожиданно, не предупредив, – как всегда.

Ингин муж замерз ночью на улице. Был, конечно, сильно пьян. До дому оставалось всего ничего, но он поскользнулся, ударился головой и потерял сознание. Двор был темным, мимо никто не прошел. А может, и прошел. Время было такое – все чего-то боялись.

Утром его нашли мертвым.

Мастерскую у Инги отобрали – площадь эта была арендованная. Картины к тому времени оказались проданы, новых не было, и Инга осталась нищей и бездомной.

Идти к родителям не хотелось. Полгода она жила у Нины – отсыпалась, отъедалась, приходила в себя.

Сначала говорила, что вся ее прошлая жизнь – кошмарная, дикая суета и ледяная пустота, что человечество не выдумало еще ничего лучше, чем покой, уют и стабильность.

А потом заскучала.

Дальше – снова влюбилась и ушла от Нины, объявив, что тухнуть в болоте за кисейными занавесками больше не собирается, что Нинина квартира похожа на кладбище и что такую жизнь может проживать только заслуженная, закоренелая дура.

Нина сначала обиделась, а потом облегченно вздохнула – вернулась радость одиночества и размеренность жизни.

«Наверное, я и вправду странная», – думала Нина.

Впритык к пятидесяти подъехала такая тоска....

Хоть волком вой. И выла, случалось.

Прекрасно понимала, что кандидатов на ее руку и сердце нет, да и никогда особенно не было, долгими взглядами ее не провожают, годы летят так быстро, как ветер на пляже пролистывает забытый кем-то журнал. А впереди, увы, только старость с болезнями.

Подумала даже продать квартиру и переехать к дочке в маленький поселок под Варной. Там внучка, там тепло и солнечно. Дети рядом – самое главное.

А что здесь, в Москве? Да, своя квартира. Свой любимый диван. Работа, клиентки. Зарабатывала она всегда прилично – хорошая портниха всегда имеет заказы. Правда, шили сейчас немного – старались купить готовое. Но переделывали, подшивали, укорачивали – на жизнь ей хватало.

А сколько сейчас было тканей! Шелк, муар, тафта, сатин, джерси, бархат, велюр, кожа, твид. Разве могла мечтать о таком портниха в застойные годы? Эх, такие бы ткани тогда! Шили в те времена из того, что доставали. Даже из подкладочного что-то придумывали. А сейчас – красота, а шьют мало. Даже обидно. Как профессионалу обидно.

Позвонила дочке и намекнула:

– Может, переехать к вам?

Дочка обрадовалась, затараторила, что была бы просто счастлива, что они с мужем давно хотели купить дом посвежее и побольше.

– Да, мамуль, продавай квартиру и приезжай! А там что-нибудь придумаем!

«Придумывать» почему-то сразу расхотелось – просто поняла: если приедет и привезет деньги с продажи квартиры, дочь вложит их в новый дом, и она, Нина, там будет не хозяйкой, а приживалкой.

В общем, обещала подумать.

Дочка искренне огорчилась – уже настроилась на новый дом.

Нина усмехнулась: не мать ей нужна, а новое жилье.

Позвонила Инге – посоветоваться. Хотя все, конечно, давно решила.

Инга вступила, не дослушав:

– Спятила? Продавать квартиру, переться в чужую страну примачкой? Чтобы они загнали тебя работой? Внучка, хозяйство! Коз доить едешь? Жить у них на птичьих правах? Они быстренько все забудут, что ты продала квартиру, поверь! Живи для себя, – закончила бурную речь подруга. – Тебе что, плохо одной?

– А я не знаю, – растерянно ответила Нина, – хорошо или плохо.

Инга пережила двух мужей – второй брак оказался еще

горше первого. Муж-искусствовед почти не зарабатывал, жили впроголодь, поддерживали родители – как могли. Отец был давно на пенсии, Тоμούля пребывала в тяжелой депрессии в связи с утратой красоты и молодости.

Искусствовед мучил Ингу капризами и ревностью.

Через пару лет он тяжело заболел, и она ухаживала за ним до последнего дня. Безденежье и тяжелые заботы подломили и состарили красавицу Ингу.

Похоронив отца и мужа, она вернулась домой. За Тоμούлей тоже требовался уход, и измученная Инга говорила, что стала профессиональной сиделкой. «Ты могла бы подумать, что я *так* буду проживать свою драгоценную жизнь? Лично я – никогда!»

Ингу было жалко, Тому было жалко. Себя было жалко.

Получалось – ни у кого не сбылось....

Как-то вечером, перед сном, пришла в голову идея – продать старую дачу. Ее строил еще Горохов, помогали ему братья и два приятеля. Все своими силами, рабочих нанимать не пришлось. Сами клали фундамент, месили цемент, возводили стены. Домик получился небольшой, но крепенький, симпатичный.

В молодости дачу Нина не любила, но Горохов был помещан на огороде, и деваться было некуда – приходилось стоять кверху задом.

Огородница из нее была никакая, даром, что летом рос-

ла у бабки в деревне. Наверное, это ей тогда и осточертело! А Горохов сажал фруктовые деревья, рыхлил огород, ставил теплицы. Сам ковырялся и от жены требовал. Удобств никаких, туалет на улице. Печка постоянно дымила, сколько ее ни чинили. За водой ходили на соседнюю улицу.

Но природа там была сказочная! Лес вокруг поселка, поле почти за домом, узкая, но чистая речка – в жару ребяшня из воды не вылезала. Птицы пели по утрам, а грибы росли сразу за домом, на сухой опушке, плотно застеленной сосновыми иглами.

Но Нине хотелось на море, к южному горячему теплу, к сочным фруктам, горячим чебурекам, медовым запахам акации по ночам.

Или в санаторий, на все готовое. Чтобы не стоять на кухне, не бегать по магазинам. Но они снова ехали на дачу. А это, между прочим, еще и почти сто верст от Москвы!

Горохов ушел красиво – ничего не делил. Дочь Галка подросла, и необходимость в даче отпала. Нина была этому только рада – сплошное облегчение. Сейчас же она испытывала небольшую неловкость от того, что обнадежила дочку и – прокатила. Решила – продам дачу и деньги вышлю Галке. Пусть небольшие, но все-таки. Это хоть как-то ее утешит.

Дала объявление, и желающие тут же нашлись. Потенциальные покупатели заехали за ней в воскресенье.

Нина села сзади. Мужчина за рулем был отъявленным весельчаком с хитрой кошачьей физиономией – хохмил всю

дорогу, рассказывая старые и довольно пошлые анекдоты. А женщина, его жена, за весь неблизкий путь не проронила ни слова. Мужчина говорил, что семье необходим свежий воздух – детишки, понимаете ли! Вот Люсенька, – он кивал на жену, – и любимая теща.

«Понятно, – подумала Нина, – хочет свою Несмеяну кривомордую сбагрить – хотя бы на лето. Вместе с отпрысками и вредной старухой. Сбагрить и – гулевонить три месяца, а то и четыре».

Доехали. Вышли из машины, и Нина с трудом открыла заржавевший замок. На участке было прохладно, несмотря на очень жаркий и солнечный день. Трава выросла по колено – и это в начале июня. Да и сад так разросся, что сама Нина его не узнала. Яблони и вишни цвели, и казалось, что на деревьях накинули легкий кружевной оренбургский кипенно-белый платок.

Нина остолбенела от такой красоты.

Она открыла входную дверь, и из дома пахнуло затхлой, застарелой сыростью. Покупатели пошли смотреть дом, а она вышла в сад и села на скамеечку. Дышалось так, словно внутри ее наполнили покоем и счастьем.

Нина закрыла глаза и слышала легкий шелест листьев и нечеткий, отдаленный голос кукушки. Покупатели вышли на крыльцо и о чем-то заспорили. Тихо шипела угрюмая жена и подхохатывал муж-весельчак.

Нина прошла по участку, потрогала уже набухшие кисти сирени, почки на огромном, разросшемся за годы чубушнике, увидела острые темные стрелы пробившихся нарциссов и светло-зеленые мясистые листья ранних тюльпанов. Позади участка, среди сорной травы, обнаружила заросшую клумбу с первоцветами – сиреневыми, желтыми, белыми. Она присела на корточки и погладила их.

Сели в машину. Долго молчали, а потом хмурая женщина объявила:

– Дом ваш нас не интересует! Совсем! Развалюха, а не дом! Наверняка все прогнило! Его надо сносить и строить новый.

Муж смущенно молчал.

– Так вот! – продолжила его угрюмая супруга. – Дом ваш нам не нужен. Участок, согласна, неплох. По крайней мере – зеленый. Дайте адекватную цену, и можем начать разговор.

– Я подумаю, – тихо ответила Нина.

Оставшуюся дорогу молчали. У Нинино дома остановились. Она вышла, заглянула в водительское окно и твердо сказала:

– Дом я вам продавать не буду! Вы уж простите, что потеряли время.

Весельчак захлопал глазами и растерянно посмотрел на жену.

– Почему не будете? – нахмурила брови та. – Что это за фокусы такие?

– А я передумала! – весело сказала Нина и, махнув рукой – дескать, не обессудьте! – быстро пошла к своему подъезду. – Какой-то переворот в сознании, – бормотала она. – Просто переворот! Больше всего на свете я хочу... Жить на этой даче и разводить цветы! Нет, я определенно сошла с ума! – думала Нина, вертясь перед сном. – Я и цветы! Сумасшествие какое-то, вот прямо, ей-богу!

В первый раз в жизни ей захотелось на пенсию. До этого и подумать о ней было страшно!

Но до пенсии было еще целых пять лет, а вот положенный отпуск маячил на горизонте. Через две недели Нина, собрав кучу сумок и вызвав такси, отбыла на дачу. Настроение у нее было прекрасным.

Работы там было, конечно же, невпроворот. Привести в порядок дом, отмыть, просушить, выкинуть старое и ненужное.

Через неделю дом сверкал, пах свежепокрашенными полами, чистым бельем и только что сваренным борщом.

«А вот теперь, – вожделенно подумала она. – Теперь мы займемся участком!» И в предвкушении этого спала она тревожно и беспокойно, с одной только мыслью – скорее бы утро! И не дай бог – дожди!

И когда утром все-таки пошел дождь, она вышла на крыльцо и почему то расплакалась.

«Дура какая! – ругала она себя. – Нет, не дура – стервоза! Дачу ей захотелось! Цветочки сажать! Бред какой-то. Жила

без этих цветочков, и вот – приспичило! Эгоистка и дрянь».

Конечно, глубоко в душе она понимала, что от дочери отвыкла, а к внучке привыкнуть так и не успела – прикипаешь к тому, с кем вместе живешь, кого растишь, в кого вкладываешь. А этого ее лишили. Или она сама себя лишила. Что разбираться?

Жизнь дочери в далекой Болгарии была слегка призрачной – нет, знала, что все хорошо и... Это ее вполне устраивало.

Одиночество – такая штука... Привыкнуть к нему трудно, а уж когда привыкаешь... Поди вытащи человека из него добровольно!

Возможно, человек этого хочет, но еще больше – боится. «Дачу – на продажу, деньги – Галке», – решила Нина и стала собираться домой.

Покупатель по новому объявлению появился через два дня.

Приятный мужской баритон посетовал, что машины у него нет и ехать придется на электричке.

– Не привыкать, – ответила Нина, и сговорились на завтра.

Встретились на Казанском, у касс. Владелец баритона оказался мужчиной за шестьдесят или около того. Лысоват, чуть полноват, все в меру, одет аккуратно и по-молодежному – джинсы, ветровка, кроссовки. В руках – спортивная сумка.

Представился:

– Игорь Сергеевич, можно без отчества.

Нина усмехнулась:

– Зачем же так сразу? – И добавила: – Нина Ивановна.

Сели в поезд, и попутчик раскрыл газету. Нине это понравилось – никаких разговоров «за жизнь». Настроение было довольно паршивое, что говорить.

Потом она задремала и проснулась за две остановки до нужной.

Вышли на перрон. Игорь Сергеевич потянулся, сделал пару глубоких вдохов, подхватил Нину под руку – впереди была довольно крутая лестница, – и они двинулись в путь. Завязался разговор – сначала про раннюю весну, обрушившуюся несусветной, совсем не весенней, жарой. Потом про цены, взлетевшие после последних событий. Оказалось, что он весьма осведомлен в этом вопросе, и Нина сильно удивилась.

Наконец дошли. Пока Нина отпирала дом, он ходил по саду, трогал стволы давно не беленных яблонь, растирал в ладони лист черной смородины и, прикрыв глаза, жадно вдыхал его терпкий и сладкий, совсем уже летний запах.

По дому он прошелся с интересом, задал пару неглупых вопросов и, наконец, сказал:

– Нина Ивановна, милая! А зачем продавать такую вот красоту? – И тут же извинился за излишнее любопытство.

Нина пожала плечами.

– Мы сюда давно не ездим, мужа нет, дочь живет в другой стране, я работаю, привязана к городу. Да и вообще – тяжело,

знаете ли! В смысле – одной.

Сказав это, она тут же смутилась, густо покраснела и отвела глаза: «Еще поймет не так, господи! И что меня понесло?»

Потом он спросил, нельзя ли поставить чайник, Нина кивнула и пошла на кухню.

А когда вернулась в комнату, остолбенела – на столе были разложены бутерброды, два куска домашнего пирога, свежие огурцы, разрезанные и оттого остро пахнувшие свежестью и летом.

Игорь Сергеевич смутился и развел руками:

– Вы уж простите, Нина Ивановна! Я просто подумал – путь неблизкий, проголодаемся наверняка!

Нина промолчала – это она, женщина, должна была подумать о еде. Дура и эгоистка! Привыкла все для себя.

Чай пили долго, и наконец Игорь Сергеевич рассказал свою историю. Оказалось, что вдовец он давно, девять лет. Жена умерла от долгой болезни. Сейчас ничего уже, почти привык.

– Если к этому вообще можно привыкнуть! – грустно добавил он.

Живет он с сыном, невесткой и внуком. Квартира небольшая, двухкомнатная. Места, разумеется, не очень хватает. И вот он решил – оставит своим квартиру, а сам переберется за город. Почему? Да потому что давно об этом мечтал – о природе, свежем воздухе, тишине и покое. Еще мечтал о саде и

даже – представьте – об огороде! Самому, ей-богу, смешно! Ни тем, ни другим он в жизни не занимался! Детям будет вольготнее, а в отпуск – милости просим! Внука возьмет на все лето, парень чудесный, они с ним большие друзья!

Нина слушала его и думала о своем эгоизме. Человек заботится о близких! Даже, возможно, в ущерб самому себе. А она...

Укрылась в своем черепашьем панцире и думать ни про кого не желает!

Потом Игорь Сергеевич сказал, что его все устраивает, торговаться он не намерен, только... Он замолчал.

– Вы бы еще подумали, Нина! Ей-богу, ведь жалко! Такой дом, такой сад!

– А вы? – раздраженно ответила Нина. – Как же вы? Ну если я передумаю? Вам же подходит все, верно?

Он кивнул.

– Да, подходит. Кое-что, конечно, надо подправить, обновить. Но если вы передумаете, я еще что-нибудь подберу! Предложений, знаете ли, вагон и тележка.

– Нет, – решительно ответила Нина. – Я не из тех, кто морочит голову! Решили – значит, решили! Бумаги в порядке, давайте договоримся, когда оформлять.

А про себя. «Заботливый, блин! Ну просто смешно».

Он вздохнул и кивнул:

– Ну, хозяин – барин!

Собрали со стола остатки трапезы, отнесли на кухню чаш-

ки и ложки. Нина сполоснула посуду, выключила газ, и тронулись в путь.

Закрывая калитку, она оглянулась на дом и сад. Сердце екнуло, гулко забилось. Нина поняла, что прощается с ним навсегда. А вместе с ним – и со своей молодостью и прежней, совсем неплохой, жизнью.

До станции шли молча. Спутник голову не морочил – наверное, понимал Нинины чувства.

В поезде она закрыла глаза, но уснуть не удалось. Вспомнилась вся жизнь. Пленка крутилась быстро, как в старом кино, – и почему-то была черно-белой.

Свадьба с Гороховым, белое платье, на которое кто-то из гостей пролил шампанское, и Нина так горько плакала, словно у нее отобрали мечту.

Рождение дочки, Горохов под окном, счастливый, улыбающийся, с букетом мимозы.

Бессонные ночи, Галкины крики, первый зуб и первые неловкие шажки. Галкино падение с горки, разбитая голова, лужа крови и белое от ужаса лицо Володи, отца и мужа.

Покупка ковра, ярко-зеленого, ядреного, ядовитого цвета. Но – такая радость от покупки, что не спала первую ночь.

Строительство дачи, потный, по пояс голый Володя кричит ей с еще недостроенной крыши:

– Нинок! Ставь картошку! Проголодались!

А она смотрит на него и думает, что она счастливая...

Смерть отца, и мама у гроба – маленькая, словно ребенок,

руки дрожат, и все приговаривает:

– Как же так, Ванечка? Зачем же ты так?

Потом развод и судья с неподвижным, словно окаменелым, лицом – она смотрит на нее с какой-то брезгливой жалостью: «Что ты за баба, если от тебя бежит приличный мужик?»

Дальше – Горохов с новой женой, дружные и счастливые. И она, Нина, словно подглядывающая в чужое окно.

Галкина свадьба – суетливая, пьяная, с кучей незнакомых и чужих людей. Таз с жареными пирогами – болгарскими плэчинтами, которые всю ночь пекла суетливая Галкина све-кровь.

Дочь с горящими глазами:

– Мама! Я так люблю его! Ты даже не представляешь!

Точно, не представляла! Бросить институт, бросить мать, чтобы уехать в другую страну, к черту на рога! Столичная девочка, а там – собственный дом, хозяйство. Куры, корова. Бред какой-то!

Потом снова дача, уже осенняя. Они топят печку, муж чертыхается – печка не думает разгораться. А на полу, в тазах и корзинах, лежат яблоки. Огромная, с мужской кулак, антоновка пахнет так яростно, что кружится голова. Уставший муж садится на стул и хрустит сочным яблоком:

– Здорово, да? Не зря мы, Нинок!

И в глазах его такая радость...

И кажется, что вся жизнь впереди... Долгая и счастливая

жизнь.

Поезд затормозил, Нина открыла глаза. Простились в метро, договорились о походе к нотариусу.

«Все слава богу! – думала она. – И человек нормальный, и торговаться не стал. Что говорить – повезло!»

Вечером позвонила Инге.

Та действия одобрила, уточнила цену и выдала:

– Вот! Наконец! Купишь себе приличную норку и поедешь в Испанию! Возьмешь хороший отель и отдохнешь по-человечески! В первый раз в жизни!

Нина подругу остановила:

– Зачем мне твоя норка? Зачем мне отель? Поеду на Волгу, я уже и путевку присмотрела.

– Дура! – завопила Инга. – Неисправимая дура!

– Вот именно, – поддержала Нина. – И зачем мне, дура, твоя норка?

Деньги решила отправить дочке, а все остальное – фигня. Все у нее есть, шубы ей не надо – при наших погодях, знаете ли! Сплошные оттепели и дожди! Есть еще отличное финское пальто – как раз на мороз.

Инга снова осудила ее, слегка цапанулись и одновременно бросили трубки.

Обе не расстроились: понимали, что такие «конфликты» – ни о чем, завтра созвонятся как ни в чем не бывало.

Так и было – созвонились на следующий день, вернее, по-

звонила Нина, взволнованная перед завтрашней сделкой.

Инга сказала, что на сделку отправится вместе с подругой – так спокойнее и правильнее.

Назавтра встретились у конторы нотариуса в десять утра.

Игорь Сергеевич полоснул взглядом по Инге, и Нина, перехватив этот взгляд, почему-то смутилась – наверное, увидев обычный, здоровый, мужской интерес.

«Каков! – подумала она. – Ничто человеческое нам, оказывается...»

Впрочем, глянув на подругу сторонним взглядом, подумала: «А Инга еще красавица! И какая! Не берут ее годы, не берут! Стройна, фигуриста, одета как картинка».

– Красивая у вас подруга, – шепнул ей Игорь Сергеевич.

Нина нахмурилась и ухмыльнулась:

– Действуйте! Дама свободна и в поиске.

Он посмотрел на нее с удивлением:

– О чем вы, Нина? Это вообще не про меня!

Уточнять не стала, но разозлилась.

Что не про него? Инга не по зубам или вообще?

Ладно, не о том. Сделка прошла, деньги Нина получила, ключи новому хозяину отдала со словами: «Ну если что – звоните!»

Он кивнул, тепло попрощался, пожелав здоровья и удачи, и был таков.

Инга стояла на улице и курила.

– А он ничего, этот новый владелец! А, Нин?

Нина равнодушно отозвалась:

– Ничего? Да обычный. Обычный нищий пенсионер! Лысый и пузатый, кстати!

– Да? – удивилась Инга. – А я не заметила!

Нина перевела разговор – отчего-то ей было неприятно обсуждать Игоря Сергеевича.

– Пошли в кафе – отмечать, – предложила Инга.

За обедом снова начался прессинг по поводу шубы, Испании и «жизненных удовольствий».

Шубу Нина окончательно отмела, а вот на Испанию согласилась.

Правда не сразу, так сказать, под сильным воздействием. Решили, что путевки будет брать Инга – она человек более опытный и ушлый. По дороге домой Нина отправила дочери деньги. «Подальше от соблазна», – решила она.

Галка позвонила на следующий день, орала от радости, сыпала благодарностями и заявила, что купят они новую машину – так решили на семейном совете.

– А дом? – расстроилась Нина. – Вы же хотели дом?

Галка затараторила, что на дом не хватит все равно, а о машине они мечтали давно.

– В общем, мам, не обижайся, и спасибо тебе огромное!

И больше ни слова о Нинином переезде...

Впрочем, что обижаться? Сама так решила.

Путевки в Испанию были взяты на начало сентября. Ин-

га долго выбирала отели, капризничала, выпендривалась, часами сидела в Интернете, названивала по сто раз на дню в турагентства и сообщала новые подробности будущего путешествия.

Вылетать должны были шестого, а третьего Нина сломала ногу. Дернул же черт попереться в девять вечера за кефиром! Захотелось, видите ли, кефира!

Упала у самого дома, почти у подъезда, споткнувшись в темноте о какую-то шпалу, железную дуру, непонятно кем брошенную. Кое-как доползла до квартиры, а через полчаса нога разбухла и посинела. Нина позвонила соседке, и та, поохав, вызвала «Скорую».

Перелом оказался непростым. В больнице Нина пролежала два дня и под расписку ушла домой. Деньги за путевку обещали вернуть, но с большими потерями и вообще – при чем тут деньги, скажите?

Тоска навалилась такая...

Неплаксивая Нина ревела дни напролет.

Инга тоже хлюпала носом, ворча, что с такой, как Нина, обязательно случится какая-нибудь фигня. «Я так и знала! А ведь я так мечтала об отпуске! Там такие мужики случаются!» – ныла подруга.

– Какие мужики? – взорвалась Нина. – Ты что, совсем чокнулась? Посмотри на себя в зеркало! Шторы раздвинь! Значит, не судьба!

– Судьба – не судьба, – обиделась Инга. – А ты, мать, в

пролете!

– Утешительница! – зло бросила Нина и швырнула с грохотом трубку.

В день отъезда Инга позвонила, но, увидев ее номер, Нина трубку не взяла. Понимала, что глупо и Инга вообще тут ни при чем, но настроение было такое... Как говорится – на море и обратно.

Только теперь – без моря, увы...

Лежала все время на диване, не читала, телевизор не смотрела, есть не ела – тосковала и все.

Думала про то, что неудачница, лузерша и вообще – бесполовая дура! И надо же было переться за этим кефиром! Еще на ночь глядя. Вот и пей свой кефир! До конца своей жизни. Одна.

И вообще – не получилось в жизни *ничего*! Семья не сложилась, дочь живет далеко, внучку не растила. С любовью тоже ничего. Не было в жизни любви... Ничего, получается, не было! Совсем ничего. Такой вот итог. Вся жизнь – как песок сквозь пальцы. Была и нет. Вот Инга, по крайней мере, горела в страстях. Кипела, бурлила ее жизнь. Есть что вспомнить. А у Нины? Юрий Соломонович с тяжелой отдышкой? Враль Сережа с наглым хохотком?

Вот размечталась о клумбе с цветами – опять не сложилось. Не будет у нее букета сирени в белом кувшине и яблок в корзинах на деревянном крашеном полу веранды.

Как мама пела в детстве: «Будет тебе белка, будет и свисток». Ни свистка, ни белки. Теперь злись на судьбу! Сама виновата.

В первый раз Нина Горохова изменила своему характеру. В первый раз обиделась на судьбу.

Погода, кстати, была распрекрасной – началось бабье лето, было тепло, солнечно, и клены за окном шелестели разноцветными и резными, яркими листьями.

Но и это не радовало. Десятого раздался телефонный звонок, и Нина долго раздумывала, брать ли ей трубку. Номер был незнакомый.

Однако звонящий был настойчив, и пришлось ответить.

– Кто? – не поняла Нина. – Игорь? Какой? А, поняла! Да, дома. Болею. – Она всхлипнула от жалости к себе. – Около моего дома? – не поверила она и осторожно спросила: – А, простите, зачем?

Он начал оправдываться, и Нина, вздохнув, прервала его:

– Ну поднимайтесь! Что с вами делать...

Через минут пять раздался дверной звонок.

На пороге стоял Игорь Сергеевич, держа в руках свою любимую спортивную сумку.

Он смущенно открыл ее, и оттуда вырвался... запах.

– Антоновка, – кивнул он, – из вашего сада! Не мог не привезти вам, простите! Такой урожай, что голова просто

кругом! Вы посмотрите, какие красавцы!

Он нагнулся и достал из сумки два яблока – и вправду огромных, нежно-желтых, словно святящихся изнутри.

Нина взяла протянутое ей яблоко, поднесла его к лицу и блаженно прикрыла глаза:

– Господи! Пахнет-то как! Просто счастьем пахнет, ей-богу! Давно позабытым...

Игорь Сергеевич смущенно кивнул:

– Так и есть! Наверное...

Нина неожиданно улыбнулась и всплеснула руками:

– А что с яблоками-то делать? Сколько их, господи! А если пирог? – вдруг осенило ее. – Для этого лучше антоновки ничего пока не придумали! А?

– Пирог – это здорово! – с энтузиазмом поддержал Игорь Сергеевич. – А уж с антоновкой! Ну что, на кухню? И за пирог?

Нина засмеялась. И в эту минуту ей показалось, что вместе с запахом яблок в ее одинокий дом забрела тихая радость, и еще... Даже страшно подумать... Такая мадам, как надежда.

Та, с которой глупая Нина давно распрощалась.

Мария Метлицкая

Женщины в периоды дефицита и изобилия

Происходило это действие примерно раз в месяц. Не чаще. Чаще мы бы просто не выдержали. Точнее, этого не вынес бы семейный бюджет – тонкий, звонкий и прозрачный. Не выдержали бы наши мужья и любовники. Не хватило бы наших скромных и тайных заначек. И главное – наших нервов.

Итак. Звонила Инеска и торжественно и почему-то шепотом объявляла:

– Сегодня. В час ночи! Как всегда.

Мы начинали нервно и бестолково суетиться, ронять на пол вещи, бить посуду и вообще страшно возбуждаться. Часов до одиннадцати перезванивались и перебрасывались короткими фразами: «Ну что? Как дела? И что вообще слышно?»

Ответы были такими же бестолковыми, как и вопросы.

Муж сидел перед телевизором и поглядывал на меня с легким пренебрежением и... какой-то жалостью. Так смотрят на слегка психически неполноценного родственника. Он уже все слышал, видел и понимал. Ему очень хотелось выпить чаю и улечься с книжкой или газетой в кровать. Но он отчет-

ливо понимал: если он только намекнет... Только недовольно кашляет или...

Короче, ему не поздоровится.

Не то чтобы он меня боялся! Просто в данном случае его недовольство было бы совсем, мягко говоря, неуместно. Он отлично понимал, что в ответ началась бы слезная истерика (хотя в общем-то я не истеричка!) и обвинение его во всех возможных и невозможных грехах. Потому что я – женщина! И имею право! Хотя бы – так. Так жалко. Так, честно говоря, унижительно и так... сладко.

Так сладко, что можно этого месяц волнительно ждать, предвкушая. И после этого еще недели две балдеть.

Муж, вздыхая, обреченно смотрит на часы. Свободы и кайфа осталось ровно на час. А потом – в дорогу.

Увы! Живем мы от Инески теперь далеко – минут сорок езды, не меньше. Другой конец Москвы. В двенадцать мы выкатываемся из дому. В дороге молчим. Муж недоволен, я в волнении. Поводов у меня несколько: первое – кто успеет первым. Второе – желаний много, а денег мало. И третье – имеется заначка, которая обязательно обнаружится, что повлечет, естественно, кучу неприятных вопросов и разговоров.

Инеска стоит у открытой двери и смотрит загадочно. То же в нерве, понятно. На кухне сидит Ольга и бросает на меня взгляд, полный ненависти. Понятно – у нас один размер,

а значит, мы конкурентки. Рядом с Ольгой Наташа. Та тоже мне не особенно рада – у нас с ней совпадает не размер одежды, но размер ноги.

Должна подойти Кетошка. Ей совсем близко – дверь напротив. И она не торопится.

Инеска варит кофе, разливает чай и, как всегда, мила и доброжелательна.

Уводит моего мужа в комнату своей дочери Лили – та, спортсменка, как всегда, на сборах и посему отсутствует. Это очень облегчает задачу.

Милая Инеска несет моему мужу чай с пирогом и свежие газеты. Я могу быть почти спокойна. Влетает Кетошка с полными пакетами мандаринов, орехов и чурчхелы – подарки грузинской родни.

Мы пробуем щедрые дары прекрасной Грузии и как-то отвлекаемся и примиряемся друг с другом. Пока...

Кетошке бояться нечего – она самая плотненькая, мягко говоря. И лапа у нее тоже будь здоров. Так что претендовать она может на косметику, цацки, духи и кастрюли. Ей легче.

Инеска тоже везука. У нее сорок второй размер и конкурентов нет. На косметику и духи у нее аллергия. Золоту она предпочитает серебро, и вообще, Инескина сестра живет в Париже, так что ей куда легче.

Хуже всех – Ольге и Наташе. Ольга никогда не была замужем и потому в постоянном поиске, оттого и нервничает больше всех.

У Наташи «никчемный, но муж» и свеженький полюбownik, и ей тоже надо соблюдать статус-кво.

Я понимаю, что надо быть гуманней. В конце концов, у меня семья и муж, который утверждает, что любит меня любовью – в косметике и без, в советском белье и... В самовязаном свитере и собственноручно пошитых мною брюках.

Вранье. Вранье и экономия. Нет, он вовсе не жлоб. Он – мужчина. И на такие французские духи, югославский лак для ногтей, австрийские сапоги и чешское белье, он считает, тратиться бессмысленно и неразумно.

Счас! А если он увидит кастрюли с цветочками или занавески-ришелье...

Надеюсь, что не увидит. Заснет на Лилиной девичьей койке.

Мы смотрим на часы и помалкиваем. Ольга смотрит в окно, вглядываясь в темноту улицы. Ровно в час она нервно вскрикивает:

– Подъехали!

Мы подтягиваемся и напрягаемся. Инеска бросается к двери. И на пороге возникает *она*. Марьяна. Волшебница. Та, которую мы ждем и трепещем.

Марьяна стоит на пороге и одышливо пыхтит, потому что она очень большая и очень грузная, к тому же ей хорошо за пятьдесят и она не очень здоровая. Она снимает пальто, и ее муж, стоящий сзади нее, за ее широкой спиной, и оттого незаметный (он мал ростом и тщедушен), подхватывает его.

Марьяна проходит в комнату, не снимая кроссовок. Да, она ходит в кроссовках зимой и летом – больные ноги. Кроссовки белые и на «липучках» – мечта любого подростка.

Она плюхается в кресло, вытягивает ноги и достает веер. Ей всегда жарко. «Климакс, – объясняет она, – уже десять лет».

Инеска суетится и мотается из комнаты в кухню, поднося Марьяне то кофе, то бутерброды, то «попить водички, желательнo боржоми».

Боржоми имеется, хозяйка знает вкусы дорогой гостью.

Марьянин муж (нам известно только, что зовут его Сеня) втаскивает в комнату сумки, которые, кажется, больше его самого.

Марьяна делает жест рукой: все, хорош. Свободен.

Мелкий Сеня присаживается на стул и прикрывается газетой. И больше Сени не видно! Нет Сени, и все!

Марьяна не спешит – она такая актриса! Просто наслаждается нашим нетерпением и ожиданием.

Съев два бутерброда: «Мне голодать нельзя – язва» (и это в полвторого ночи), откушав кофею и закулив (только ей позволено курить в комнате), Марьяна наконец с треском распахивает скрипучую молнию необъятной своей сумищи и смотрит в ее чрево, словно в чем-то сильно сомневаясь.

Стерва! Актерка! Интриганка! Волшебница...

Лот первый. Из сумки извлекается шуршащий пакет с чем-то фиолетовым. Я чуть расслабляюсь: фиолетовое – точ-

но не мое. Не торопясь, Марьяна разрывает целлофан, и нашему взору предстает платье. Трикотаж, даже на вид тонкий и шелковистый, вырез лодочкой и аппликация в виде листьев – светло-сиреневых и золотистых. Она разглядывает платье и небрежно бросает его на диван:

– Финны. Сорок четвертый. Сто двадцать.

Первой не выдерживает Наташа – словно по фальстарту бросается с места и хватает «финнов за сто двадцать». Молниеносно она срывает с себя свитер и юбку, и платье уже на ней.

Мы молчим – первое слово за Марьяной.

– Сносно, – важно бросает она.

И тут подхватываемся мы. Инеска хвалит отчаянно, Ольга сдержанно, я – справедливо. Платье сидит хорошо, да и цвет Наташе вполне.

Наташа, красная от волнения, садится на место и прижимает платье к себе.

Далее Хозяйка Медной горы выуживает три водолазки разных цветов и также бросает их веером на диван.

– Польша. Хлопок с эластиком. Сорок восьмой. Хотя... Все тянется. Тридцатка.

Водолазки красная, зеленая и серая.

Мой цвет – зеленый. Надо рвать с места, а я замешкалась: «право первой ночи» у Инески, и она тоже обожает травяные тона. Не то чтобы я так благородна. Просто издержки воспитания и страх – буду наглеть, в другой раз не позовут.

Инеска берет, разумеется, зеленую, и у меня начинает ныть сердце. Она натягивает водолазку, крутится перед зеркалом и говорит «нет». У меня вырывается вздох облегчения. По-моему, слишком громко.

– Надень, – кивает Инеска.

– Да ну, – делано равнодушно отвечаю я. – И так все понятно. Моя.

На всякий случай я хватаю «мою» вещицу и прижимаю к груди. Ольга берет красную со словами:

– Ну я же блондинка.

Наташа мнет в руках серую и раздумывает – торопиться на стоит. А вдруг в Марьянином бауле найдется что-нибудь поинтереснее.

Следующий лот – юбка. Серый твид, кожаный ремешок. И в пир, и в мир.

– Хорошо к водолазке, – разглядывает юбку Инеска.

Ольга раздумывает, а я хватаю твид и кладу на колени. Кто не успел, тот опоздал, как поется в песне.

Ольга делает вялую гримасу и отворачивается от меня.

Может быть, я поторопилась? Хапаю все подряд, а девки думают! Ладно, потише. Поспокойнее. Подостойнее. А нервы сдают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.